

Эдвард Радзинский. Любовь на 104 страницах

ЭТО было время, когда Поэт в России был больше, чем поэт... И кино было больше, чем кино. И все было больше, чем должно быть в нормальных странах. И это было время странных властителей дум, которые смело открывали гражданам великие истины о том, что дважды два - это все-таки четыре и белое не следует всегда считать черным. И Театр тогда был куда больше, чем театр...

В ТО ВРЕМЯ я закончил "главную пьесу"... Так я называл ее тогда. История в пьесе была правдой. Она случилась... и я о ней написал.

Принес я ее в Театр Ленинского комсомола.

Про любовь

ПЬЕСА начиналась по тем временам nepозволительно. Молодой человек встречал в кафе девушку и тем же вечером приводил ее к себе домой. И дальше шла их ночь... Это было не привято в тогдашнем искусстве... Так что пьеса благополучно легла бы в тот самый бездонный "репертуарный портфель" театра, но... Но в это время в театр был назначен новый режиссер. Это был уже знаменитый Анатолий Эфрос. Он прочитал мою пьесу "Сто четыре страницы про любовь". И был он человек для тех лет очень странный: если он читал пьесу и она ему нравилась, он тотчас начинал репетировать, не дожидаясь разрешения инстанций.

Итак, репетиции пошли в "Ленкоме".

И вскоре история стала совсем похожей на сказку: пьесу прочли в Ленинграде. И самый знаменитый театр страны, Большой драматический, принял пьесу...

Меня вызвали в БДТ.

Я приехал (примчался!) в Ленинград - от усердия за два дня до начала репетиций.

Вечером шли "Варвары" Горького. Татьяна Доронина играла Монахову. Неправдоподобной красоты, в рыжем парике, она стояла, раскинув руки, на фоне стены - этакая языческая Венера, которую распинала обыденность, - варвары...

На следующий день - "Горе от ума". На занавесе эпиграф: "Догадал же черт с душой и талантом родиться в России".

Зал, думаю, с изумлением узнавал, что это сказал отнюдь не русофоб, но "наше все" - Александр Сергеевич Пушкин.

Чацкого играл Сергей Юрский. Это был Чацкий из НИИ. Чацкий тире академик Ландау. Зато Молчалин... Общепринято: Молчалин - жалкий человек, ничтожество, которого по непонятной прихоти любит Софья. Товстоногов, наверное, первым понял истинный смысл великой пьесы. И он предложил Лаврову сыграть умного Молчалина. Точнее - умного нашим умом, то есть опасной способностью мгновенно улавливать ход времени. Чацкий борется с временем. Молчалин следует за временем, всегда в ногу с временем. Сегодня он холопничает, потому что так надо, такое время. Но если завтра время потребует быть смелым, он станет супер-Чацким.

Начнется перестройка - и все Молчалины моментально станут Чацкими...

И совершенно потрясала Доронина в роли Софьи...

И вот он наступил - этот день. После двух великих спектаклей я пришел наконец на репетицию своей пьесы. Репетировали они - знаменитые актеры БДТ: Татьяна Доронина, Олег Борисов, Олег Басилашвили, Рецептер, Шарко, Волков - такой состав был в пьесе начинающего драматурга.

Все они... сонно слонялись по сцене. Между ними бегал молодой режиссер - объяснял им, что они играют очень новую пьесу очень нового драматурга. Они цедили текст, и было видно, что они не хотят играть пьесу нового драматурга, а хотят играть старого драматурга Грибоедова и весьма немолодого драматурга Горького. Они скучали. Иногда их немного развлекала декорация. Над ними висел какой-то злоедейский угол. И порой этот угол вдруг с диким грохотом начинал двигаться, вызывая приступ веселья актеров и крики негодующего режиссера.

Я очень хотел уехать из Ленинграда. Я хотел уехать к Эфросу, у которого так хорошо ("гениально!") шли репетиции. Но я был рациональным человеком. И продолжал приходить на эту муку...

Вечная гильотина

ЭТО случилось накануне отъезда. Я мучился, глядя на сцену... когда зади я услышал дыхание. Кто-то нестерпимо громко дышал, будто хотел захватить весь воздух. Когда я обернулся, я увидел... только нос! Это был невероятный, какой-то гоголевский нос! Но когда я вновь взглянул на сцену, я никого не узнал. На сцене стояли совершенно другие актеры. Горящие глаза, вдохновенные лица... а как зазвучал текст! Солдаты, зашлышавшие звук боевой трубы, да и только!

Это был ОН - тот, про кого тогда в Ленинграде говорили: "Нет бога, кроме Гога". И никто не спрашивал, кто такой этот Гога. Спрашивать мог только безумец... Для людей театра Гога был только один - Георгий Александрович Товстоногов, великий режиссер. Через секунду Гога уже стоял на сцене. Он шептал актерам, заклинал, показывал - священнодействовал...

И они вновь стали великими, и текст обрел смысл. И страшный угол, который скрипел, мгновенно затих, стал двигаться бесшумно.

Более того, через несколько мгновений я понял, что это было крыло самолета - опасное крыло...

Однажды во время репетиций Эфрос сказал: "У нас только одна задача - "приподнять" пьесу. Приподнять - это значит открыть в ней притчу. За временным увидеть вечное". На моих глазах Товстоногов творил это волшебство.

На сцене сквозь обыденные слова начинала звучать какая-то странная мелодия. И я вспомнил... Это были стихи Оскара Уайльда:

*Мы все убиваем тех, кого любим.
Кто трус - поцелуем,
кто смелый - ножом.
Но мы все убиваем тех,
кого любим...*

И угол, бесшумно двигавшийся над героями, вскоре перестал быть просто крылом. Он становился самолетом, который ее убьет, вечной гильотиной, Смертью, которая таится рядом с Любовью. И была понятна неотвратимость того, что случится...

Я вернулся в Москву совершенно счастливым.

И ночью раздался звонок телефона. И прелестный женский голос, ко-

На снимке: актриса Вира Артмане и министр культуры СССР Екатерина Фурцева.

Фотохроника ТАСС

торый я тогда так хорошо знал, ласково сказал мне:

- Ну как, ты счастлив?

- Счастлив, - ответил я элегически.

И зазвучали стальные нотки (да, это очаровательное создание работало в Министерстве культуры).

- Тогда приготовься: твою пьесу сняли.

- То есть как?!

Я потерялся.

- Послезавтра в десять утра, - сказала она, - будет расширенная коллегия министерства. На наш мягкий ковер вызван московский Театр Ленинского комсомола. Выработан проект постановления о его вредном репертуаре. И пьеса "Сто четыре страницы про любовь" его победно возглавляет. Это ведь очень безнравственная пьеса, как ты, впрочем, сам хорошо знаешь. Там девушка спит с

молодым человеком после нескольких часов знакомства. А Екатерина Алексеевна Фурцева, наш министр... У нее была бурная молодость... она даже резала себе вены от несчастной любви. И оттого, мой друг, Екатерина Алексеевна нынче особенно нравственна и особенно не любит подобных вещей.

Я спросил тупо:

- А что же делать?

- Умереть, - сказала она. И повесила трубку.

С раннего утра я начал звонить Эфросу. У него весь день не отвечал телефон. Не смог я поговорить и с директором театра - он все время подозрительно уходил из кабинета... Я позвонил в Ленинград. Еще вчера вечером голос знаменитой заведующей литературной частью был полон нежности и энтузиазма, но сегодня... Короче, она смущенно сказала: "У нас актер приболел... репетиции временно будут прекращены". Она торопилась закончить разговор.

Теперь я был всем неприятен.

Я не спал всю ночь. И - решил. В половине десятого я стоял у министерства - ждал. Наконец появился директор "Ленкома". Он посмотрел на меня... Так смотрят на мертвеца, который встал из могилы (все ведь уже решено, но покойник продолжает зачем-то торчать среди живых).

Он все-таки спросил меня:

- А вы зачем пришли?

У меня хватило ума ответить:

- А меня пригласили.

- Да? - сказал он удивленно. - Ну идите.

Он был свой человек в министерстве. Так что, оживленно беседуя с ним, я прошел мимо охранника в святая святых. Не спросили ни пропуска, ни приглашения - идилическое до-террорное время...

Прекрасная женщина

ЗАЛ был полон. Все смотрели на дверь. Наконец дверь распахнулась. Возможно, так медведица выбегает из берлоги после зимней спячки. Вошла (влетела!) ОНА.

Екатерина Великая посмотрела на директора и сказала:

- Встаньте!

Он встал.

Она сказала:

- Почему по городу развешаны эти афиши - "Сто четыре способа любви"?

Директор знал свое дело - он молчал, и взгляд его был полон раскаяния.

- Молчите, - констатировала она трагически. - А знаете ли вы количество абортот среди несовершеннолетних?

Этого он не знал. Но раскаивался еще больше.

- А я знаю... Я знаю количество абортот среди несовершеннолетних, - заговорила она каким-то плачущим голосом. - И вот в это время Театр имени Ленинского комсомола... Ленинского комсомола! - повторила она с надрывом, - ...ставит пьесу про шлюшку, которая все время залезает в чужие постели...

Наступила тишина. И в этой тишине, видимо, не выдержав напряжения, я неожиданно для себя... встал.

И сказал:

- Екатерина Алексеевна, там ничего этого нет. К сожалению, вы неправильно назвали пьесу. Она называется "Сто четыре страницы про любовь".

(Окончание на с. 13)

Эдвард Радзинский. Любовь на 104 страницах

Окончание.
Начало на с. 12

ВОТ потом я много раз думал, что такое тишина. Бывает тишина в лесу, тишина в горах... но такой тишины, как тогда, поверьте, не бывает. Это была какая-то сверхтишина, оцепенение, финал "Ревизора", остолбенение от страха...

Она спросила:

- Кто вы такой?

Я ответил:

- Я - автор пьесы.

Выглядел я тогда лет на 16, наверное. К тому же у меня росли (для солидности) какие-то прозрачные усы, поэтому вид был отвратительный.

- Вы - член партии? - спросила она грозно.

Я ответил:

- Я - комсомолец.

По залу пронесся шелест. Они никогда не видели в этом зале авто-ров-комсомольцев. Тут она как-то сбилась. Я это почувствовал.

Она сказала:

- Сядьте. Мы дадим вам слово.

И предоставила слово... своему заместителю.

Замминистра был не очень оригинален. Он сказал, что сейчас, ко-

гда среди несовершеннолетних такое количество аборт, в Театре Ленинского комсомола (!) появилась пьеса, где "шлюшка постоянно залезает в чужие постели"... Он сделал паузу, и тотчас встал я и сказал:

- Там ничего этого нет. Вы просто не читали пьесу.

Екатерина Алексеевна (*грозно*):

- Сядьте! И немедленно!

Я сел.

Следующим выступал главный редактор газеты "Советская культура". Нельзя сказать, что и он был чересчур оригинален.

Он объявил, что теперь, когда количество аборт среди несовершеннолетних так велико, в это трудное для молодежи время Театр имени Ленинского комсомола (!) ставит пьесу про "шлюшку"...

И я поднялся и сказал:

- Ничего этого в пьесе нет. Вы тоже не читали пьесу.

Фурцева:

- Я поняла. Вы решили сорвать наше заседание. Идите и выступайте.

Я должен был умирать от страха... но я умирал от ярости! На меня с большим любопытством смотрел зал. Предстояло нечто вроде корри-

ды, где человек идет на быка, но без шпаги. Просто идет, и все. Но я сказал себе - никакой ярости! Ты должен, как твоя героиня, их всех любить. Они несчастные...

И я начал рассказывать. Я рассказывал правду, потому что я не писал пьесу про "шлюшку". Я писал пьесу о любви. О том, как люди попадают в любовь, как под поезд. Потому что любовь - это бремя, такое счастливое... и такое несчастное... И это всегда обязательное пробуждение высокого, и если этого нет - это не любовь. Это собачья страсть, прекрасный сексуальный порыв и прочее. Именно прочее, оттого что Любовь - неповторима...

Потом министрами культуры перебивают много тухлых мужчин с тухлыми глазами. Их никогда нельзя будет ни в чем переубедить. А вот она была женщиной. Прекрасной женщиной. В этом было все. В этом, думаю, была и ее гибель...

И буквально через три минуты она повернулась ко мне, и я понял - слушает. И не просто слушает. Уже на четвертой минуте она подала мне воду. "Не волнуйтесь", - говорила она нежно. А я видел ее руки с рубцами от бритвы...

Сто двадцать премьер

И КОГДА я окончил, она долго молчала. Потом сказала: "Как нам всем должно быть сейчас стыдно..." Я подумал, она скажет: "...что мы с вами не читали пьесы". Она сделала паузу и сказала: "...что мы с вами уже не умеем любить". И далее была неумолима. Она предоставила слово замминистра. Замминистра сказал, что умение любить - это очень важно, особенно сейчас, когда такое количество аборт среди несовершеннолетних. Ибо любовь облагораживает людей. После чего она дала слово главному редактору "Советской культуры". Он также отметил, что умение любить весьма облагораживает и потому количество аборт в результате постановки Театра Ленинского комсомола, бесспорно, сократится...

Мы шли по улице со счастливейшим директором театра.

Он сказал: "Думаю, театров сто сейчас будут репетировать эту пьесу".

Он ошибся - их было сто двадцать...

Фото ИТАР-ТАСС